

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-188-191

ШХАГАПСОВЕВА Марианна Хасановна
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД РФ
г. Нальчик, Россия
Shkhagapsoeva@gmail.ru

Marianna Kh. SHKHAGAPSOEVA
North-Caucasian Institute for Advanced Training
(Branch) of Krasnodar University of the Russian
Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
Shkhagapsoeva@gmail.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗА ЭКСТРЕМИСТА У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

CATEGORIAL STRUCTURE AND CONTENT OF THE EXTREMIST IMAGE OF POLICE EMPLOYEES

Актуальность данного научного исследования продиктована тем важным фактом, что сегодня организованная преступность, наряду с крупнейшими сетевыми (по организационной структуре и управленческим принципам) международными криминальными организациями, успешно использует очаги межнациональной разобщенности, проблемы в среде нового подрастающего поколения для «вербовки» новых участников в целях расширения сфер влияния на политической и экономической аренах страны. В данной статье автором исследования зафиксированы основополагающие причины возникновения и распространения религиозного экстремизма: историко-доктринальный фактор, фактор модернизации, геополитический фактор, глобалистский фактор и т.д. По мнению автора, склонность к экстремизму можно рассматривать как некий «талант», имеющий резко отрицательный характер. Очевидно, что любой талант необходимо развивать. То же касается и склонности к экстремизму. Экстремистские наклонности даны субъекту активности лишь в задатках и могут проявиться или не проявиться в зависимости от того, в какой среде происходит становление и функционирование личности. В данной научной статье выделяются следующие составляющие личности экстремиста: психические расстройства (нарциссизм, склонность к аффективным состояниям), наличие установок, образа врага, противопоставление себя внешнему миру, стремление достичь цель кратчайшим путем, отрицание компромисса, использование силовых методов давления, действие по принципу «цель оправдывает средства», склонность к агрессии, жестокость, способность применить насилие ради собственных интересов, низкая значимость человеческой жизни, как своей, так и окружающих.

The relevance of this research is dictated by the key fact that organized crime, along with the largest international network criminal organizations, successfully uses the seats of interethnic disunity, problems among the new rising generation for «recruiting» new participants in order to expand spheres of influence in the political and economic arenas of the country. In the article the author has fixed the main reasons for the emergence and spread of religious extremism: the historical and doctrinal factor, the modernization factor, the geopolitical factor, the global factor, etc. Inclination towards extremism can be considered as a kind of «talent», which has a sharply negative character. Every talent is known to be developed. The same applies to the propensity for extremism. Extremist inclinations are given to the subject only in the makings and may or may not manifest themselves depending on the environment in which the personality is being formed. The following components of the personality of an extremist are distinguished in the article: mental disorders (narcissism, propensity to affective states), the presence of attitudes, the image of the enemy, the opposition to the external world, the desire to reach the goal the shortest way, the denial of compromise, the use of force methods of pressure, the action on the principle «the end justifies means», the propensity to aggression, cruelty, the ability to use violence for their own interests, the low significance of human life both for oneself and for others.

Ключевые слова: девиантное поведение, личность, терроризм, безопасность государства

Keywords: deviant behavior, personality, terrorism, state security

Сегодня криминальные цели сетевых международных организаций достигаются посредством применения различных механизмов, методов и технологий воздействия на государство, экономику, общество: агитацией и пропагандой незаконных форм демонстративного поведения в обществе; отрицанием положительного в системной деятельности органов внутренних дел; внедрением теневых, неформальных, коррупционных практик и связей в органы власти и другие публичные институты; всеобъемлющим контролем над крупными предприятиями и организациями и т.д. [1].

Экспертному и правоохранительному сообществам необходимо особое внимание обращать на проявления и факты стимулирования межнациональных противоречий и конфликтов на религиозной почве. Очевидно, что степень опасности активного вторжения политизированной религии в общественную, культурную и экономическую жизнь

северокавказских республик продолжает оставаться высокой [2]. Не секрет, что одной из главных задач постсоветской России является укрепление гражданского мира, добрососедства и согласия, этноконфессиональной толерантности, масштабное противодействие распространению идеологии и практики исламского экстремизма и терроризма, устойчивое обеспечение национальной безопасности государства.

Центральная проблема противодействия распространению и проявлениям глобального терроризма и этнорелигиозного экстремизма затрагивает ключевые интересы различных акторов (государств, транснациональных корпораций, международных институтов и т.д.), поскольку неотъемлемым элементом стратегической доктрины религиозных «исламских» радикалов, фанатиков и сектантов является принцип абсолютной войны против всех «кафиров» (*неверных*) и «муртадов» (*их прислужников*) в целях последующего создания единого «исламского» халифата.

Очевидно, что данный психоэмоциональный комплекс способствует укреплению и развитию экстремистской, антисоциальной поведенческой, ценностной и идеологической установки, выражающейся в совокупной направленности жизненных, повседневных практик на насильственные, жестокие бытийные акты по отношению к «иным» и «чужим», которые воспринимаются фундаменталистами в качестве главной причины их сложностей, бедствий и неурядиц. Радикальная, экстремистская, насильственная поведенческая установка отличается устойчивым убеждением, что исключительно жестокими, силовыми и тоталитарными мерами, сопровождающимися частичным ослаблением или абсолютным отключением всех нормативно-ценностных табу, запретов и санкций, как политико-правовых, так и морально-нравственных, возможно *революционное* исправление «несправедливой» ситуации [3]. Соответственно, центральным смысловым концептом в искаженном сознании экстремиста, радикала и фундаменталиста является сконструированный образ врага.

Враг характеризуется как некто чужой, принципиально отличающийся по своему когнитивному и аксиологическому потенциалу от индивида и/или от социальной группы, к которой индивид себя относит. В фасеточном сознании экстремиста враг не представляется в качестве конкретного партнера. Враг дегуманизирован: он лишен человеческих черт, поэтому его образ легко проецируется на любой так или иначе связанный с ним объект, феномен, процесс. В психоэмоциональной динамике жизненной траектории террориста, радикала, экстремиста в отличие от обычной законопослушной личности преобладают состояния невротической неустойчивости, эмоциональной возбужденности, поведенческой агрессии, а умеренное состояние и релаксация крайне непродолжительны и нерегулярны.

Также важную роль в динамике психоэмоциональных реакций, переживаний и эффектов радикалов, фундаменталистов и экстремистов играют самые мощные невротические проявления - так называемые аффекты. Причем стоит отметить, что в отличие от стандартных аффектов, вызываемых случайными ситуациями повседневного типа, у экстремиста это часто сознательно сконструированные (идейные, устойчивые) аффекты.

Анализируя предмет исследования, автор данной научной публикации пришел к следующей аналогии: как наркозависимый индивид нуждается в регулярном периодическом принятии наркотических средств, так и экстремист нуждается в систематическом ощущении мощных аффективных состояний, которые позволяют ему временно уменьшить степень нервозности, агрессивности и напряженности психоэмоционального переживания.

Тенденция нарастания количества проявлений экстремизма на религиозной почве в российском случае, в частности, во многом обусловлена имеющимися противоречиями во взаимоотношениях между различными конфессиями и внутри них, последствиями социально-экономического кризиса, колоссальным общественным расслоением и социальным неравенством, кризисом внешнеполитических отношений с многими странами западного мира, а также ростом этнической культурно-религиозной экспансии из стран ближнего и дальнего зарубежья.

По мнению целого ряда исследователей, специалистов и экспертов, существуют следующие ключевые причины возникновения и распространения идеологии и практики

этнорелигиозного экстремизма и фундаментализма: историко-доктринальный фактор (концептуальные выводы относительно появления, распространения, эволюции, механизма идейного обоснования фундаментализма и т.д.); фактор структурной модернизации (неуспешный процесс модернизации, наличие острых институциональных, сетевых, политических, социальных, экономических, экологических и других противоречий); геополитический фактор (эффекты так называемой большой геополитики основных событий, явлений и процессов); глобалистский фактор (возникновение и распространение экстремизма, макропроцессов модернизации традиционных религиозных сообществ и т.д.) [3]. Вместе с тем следует отметить, что ни один из вышеперечисленных факторов не является регулярно определяющим, но каждый имеет системное значение и мощное влияние на процесс развития и трансформации этнорелигиозного экстремизма и фундаментализма в совокупности с другими.

Текущая макронестабильность может быть также охарактеризована следующими параметрами: к числу основных факторов, стимулирующих данные глокальные (симбиоз «глобального» и «локального») процессы, во-первых, относится распад социалистического блока, который привел к разрушению ценностно-идеологической антиномии «либерализм-социализм», и, во-вторых, формирование нового мирового порядка (*New World Order*) [4].

Однако, по мнению большинства исследователей, ученых и экспертов, наиболее явно ключевые факторы, способствующие формированию и эволюции индикаторов фундаменталистской ментальности, проявляются именно в условиях кризиса общественных структур (см. работы, например, С.Б. Дружиловского, А. Куртова, И. Добаева, А. Игнатенко, М. Койчукулова, Т.А. Халилова, Р. Макдермотта, К. Мартина, Б. Лоуренса, П. Марсдена и др.).

Так, росту социальной напряженности способствуют снижение показателей жизненного уровня, увеличение недовольства общественности регрессом, рост ощущения потери уверенности в завтрашнем дне или перспективы, кризис структур доверия, атомизация общественного пространства, фрагментированность политического порядка, распространенность неформальных практик взаимодействия и т.д. [5; 6; 7].

Соответственно, склонность к экстремизму и фундаментализму можно рассматривать как некий «*талант*», имеющий в своей сути резко отрицательный характер. Очевидно, что любой талант необходимо развивать. То же касается и склонности к экстремизму, радикализму и фундаментализму. По нашему мнению, экстремистские наклонности и потребности даны субъекту активности лишь в задатках и могут проявиться или не проявиться в зависимости от того, в какой общественной среде происходит становление его личности.

В заключение хотелось бы отметить, что современная междисциплинарная социально-правовая, гуманитарно-педагогическая наука выделяют следующие составляющие личности экстремиста: психические расстройства (нарциссизм, склонность к аффективным состояниям), наличие установок, образа врага, противопоставление себя внешнему миру, стремление достичь цель кратчайшим путем, отрицание компромисса, использование силовых, насильственных методов воздействия, действие по принципу «*цель оправдывает средства*», склонность к агрессии, жестокость, способность применить насилие ради собственных интересов, дегуманизация врага и низкая ценность человеческой жизни, как своей, так и окружающих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дибиров А.Н.З., Сафаралиев Г.К. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / Рук. авт. колл. - Махачкала, 2009.
2. Липина Е.А. Психологические особенности личности экстремиста // Гуманитарные научные исследования. - 2015. - № 8.
3. Машекуашева М.Х. Размышления об организации и методах исследования смысловой регуляции в обучении // Концепт. - 2013. - Т. 4. - С. 291-295.

4. Маздогова З.З., Машекуашева М.Х., Шхагапсоева М.Х. Антитезисы экстремистской морали // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 12. - С. 150-152.
5. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - Краснодар. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
6. Халилов Т.А. Категория «модернизация» в контексте политологических исследований // Теория и практика общественного развития. - Краснодар. - 2012. - № 10. - С. 216-218.
7. Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы // Сравнительная политика. - М. - 2017. - № 8(1). - С. 164-168. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.

REFERENCES

1. Dibirow A.N.Z., Sapharaliev G.K. Sovremennyy politicheskij jekstremizm: ponjatie, istoki, prichiny, ideologija, organizacija, praktika, profilaktika i protivodejstvie. [Modern political extremism: concept, origins, causes, ideology, organization, practice, prevention and counteraction]. Leading Authors Collective. Makhachkala, 2009. (In Russ).
2. Lipina E.A. Psihologicheskie osobennosti lichnosti jekstremista. [Psychological characteristics of the extremist person]. Electronic Scientific and Practical Journal "Humanitarian - Scientific Research". No. 8. 2015. (In Russ).
3. Mashekuasheva M.Kh. Razmyshlenija ob organizacii i metodah issledovanija smyslovoj reguljacji v obuchenii. [Reflections on the organization and methods of investigating the semantic regulation in teaching]. Scientific and Methodical Electronic Magazine "Concept". 2013. Vol. 4. Pp. 291-295. (In Russ).
4. Mazdogova Z.Z., Mashekuasheva M.Kh., Shkhagapsoeva M.Kh. Antitezisy jekstremistskoj morali. [Antithesis of extremist morality]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development. Krasnodar. 2014. No. 12. Pp. 150-152. (In Russ).
5. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli. [Civism as Social and Political Practice: Current Models]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development. Krasnodar. 2012. No. 12. Pp. 398-401. (In Russ).
6. Khalilov T.A. Kategorija «modernizacija» v kontekste politologicheskix issledovanij. [Category of Modernization in the Context of Political Science Research]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development. Krasnodar. 2012. No. 10. Pp. 216-218. (In Russ).
7. Khalilov T.A. Stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v imperskom kontekste Rossii: trendy i problemy. [Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems]. Sravnitel'naja politika = Comparative Politics Russia. 2017. No. 8(1). Pp. 164-168. (In Russ.). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168.

Информация об авторе:

Шхагапсоева Марианна Хасановна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, майор полиции, г. Нальчик, Россия
Shkhagapsoeva@gmail.ru

Получена: 21.08.2017

Для цитирования: Шхагапсоева М.Х. Категориальная структура и содержание образа экстремиста у сотрудников полиции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 5. Часть 1. с.188-191.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-188-191.

Information about the author:

Marianna Kh. Shkhagapsoeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, State and Civil Law Disciplines Department, North-Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Major, Nalchik, Russia
Shkhagapsoeva@gmail.ru

Received: 21.08.2017

For citation: Shkhagapsoeva M.Kh. Categorical structure and content of the extremist image of police employees. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.5 Part. 1. Pp. 188-191.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-188-191. (in Russian)